

М. Ю. ДУБРОВСКАЯ
Новосибирская государственная консерватория (академия)
им. М. И. Глинки

УДК 78.037 (4/9)

МУЗЫКАЛЬНАЯ СИНТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящей статье автором предпринимается первичная попытка осветить проблемы бытия нового научного направления российского японистического музыкознания – *музыкальной синтологии*, занимающейся изучением самобытной музыкальной составляющей звукового пространства синтоистского ритуала.

Исконная религия японцев, *синто*, активно позиционируется в современной Японии в качестве сущностного параметра национальной ментальности, основы традиционной культуры народа. Российскими японоведами доказано, что в силу присущего синто эстетико-культурного характера, эта «открытая поликультурная религиозная система» (А. Н. Мещеряков) выступает в качестве источника художественно-эстетического своеобразия национального искусства в целом.

Подробное изучение традиционного музыкального наследия Японии позволяет осознать высокую степень его детерминированности ритуально-обрядовым наследием синто. Эта исследовательская позиция ещё не нашла широкого распространения в российском музыкознании, так как молодая отечественная музыкальная синтология пока находится на этапе своего становления. Напротив, в других, более разработанных областях российского японоведения – философии, религиоведении, искусствоведении, театроведении, культурологии, фольклористике и т. д. – накоплена солидная научная аргументация в пользу синтоистских оснований традиционной культуры Японии. Эти исследования позволяют усмотреть следы рудиментов ритуально-магического и обрядового поведения древних японцев, синтоистской мифологии, церемониалов и атрибутики синто в формировании самобытных художественно-выразительных средств традиционного профессионального музыкально-сценического искусства Японии – *ногаку*, *кёгэн*, *дзёрури*, *кабуки*.

Не вызывает сомнений, что синто, представляя собой уникальный феномен и особый пласт религиозной, художественной и, подчеркнём, музыкальной культуры Японии, должно было соответственно составлять отдельный, самостоятельный предмет исследований, к осознанию чего сравнительно недавно – в последнее десятилетие XX века – пришли западные этномузыкологи. В результате

проведенных исследований, тщательного описания и комментирования со стороны японских, европейских и североамериканских учёных вслед за буддийской традицией удостоилась значительная часть синтоистского музыкально-обрядового наследия японцев.

Анализ степени изученности данного феномена показал наличие внушительного количества публикаций японских авторов, посвящённых разным сторонам синтоистского ритуала. Характерно в этой связи, что явления синтоистской обрядности достаточно подробно описывались в японской литературе ещё со времен средневековья, хотя первые попытки относительного его упорядочивания известны только с конца VII века. Японская наука о синто насчитывает немногим более ста лет, а осуществление – только в прошлом веке – качественного прорыва в фиксации и исследовании его ритуальной стороны приписывается основоположнику японской этнографии Янагиде Кунио¹ и его ученикам. Вместе с тем, весьма многочисленные в Японии издания по теме отличаются необычайной пестротой: от туристических буклетов до серьёзных научных работ².

Однако, как показали наши изыскания, весьма серьёзной проблемой национального музыкознания стала выработка адекватной методологии и аналитических подходов к исследованию феномена. Дело в том, что «музыка синто»³, при наличии своей «ниши» в традиционном музыкальном наследии японцев, имеет точки соприкосновения как с музыкальным фольклором, так и с традиционно-профессиональной музыкой Японии. Это представляет особую методологическую проблему именно для японского музыкознания, ибо оно ориентировано, в первую очередь, на различные для японской науки объекты: собственно музыкальный фольклор Японских островов, музыкальные ритуалы школ японского буддизма и традиционно-профессиональное музыкальное наследие, в которое включаются многочисленные вокально-инструментальные и музыкально-театральные явления традиционной японской музыкальной культуры. Примечательны при этом редкие процедуры сравнительно-сопоставительных исследований японских авторов, насколько можно судить в отношении преимущественно буддийских оснований семантики и музыкально-выра-

зительных средств жанров традиционно-профессиональной музыки⁴.

Как следствие описанной ситуации феномены музыкального ритуала синто исследуются в Японии, по меньшей мере, с двух разных позиций, при этом фольклористы отстаивают собственные приоритеты, а академические музыковеды – свои. На наш взгляд, выход из подобного методологического «тупика» может быть следующим: классифицируясь в качестве особого вида традиционного религиозного наследия японцев, музыкальная сторона синтоистского ритуала вполне может быть охарактеризована с привлечением семантического, интонационно-тематического, функционального, целостного, структурного и других известных музыковедению подходов к анализу обеих систем традиционной музыки (фольклорной и профессиональной).

Действительно, наблюдения автора и практика аналитического рассмотрения музыкальных явлений японской художественной традиции различной жанровой природы показывают, что, например, известное свойство монодии – наличие стабильных ритмоинтонационных формул (обозначаемых западной этномузыкологией как модели-*паттерны*), безусловно, находит реализацию в вокальной мелодике *кагура-ута*⁵ – наиболее древних ритуальных песнопений синто. Это, по мнению С. В. Жуковской⁶, сближает сакральное вокальное наследие со следующими, вроде бы, далекими от него жанрами традиционной профессиональной музыки японцев: *данмоно* (пьесы для *кото*-соло), *нагаута*, *токивадзу* и др. (сюиты, исполняемые певцами в сопровождении *сямисэна*).

Выделим другое знаковое свойство *кагура-ута*, которое проявляется, по нашим наблюдениям, в многофункциональности исполнения этих священных песен (например, знаменитой «Ниваби»). В настоящее время их можно услышать в самых разных синтоистских церемониях – от дворцовых мистерий *микагура* и сельских *сатокагура* до «священных церемоний посадки риса» *о-тауэ синдзэ* (например, в Осацком храме Сумиэси Тайся, где автору довелось с ней познакомиться). Как представляется, это свидетельствует, с одной стороны, о высокой статусности явления, тщательно сохраняющейся и в наши дни, с другой, – о том, что *кагура-ута* «Ниваби» относится к звуковому коду традиционной культуры японцев, а с третьей, – о вариативности его ритуального функционирования, что, как считает А.К. Байбурун, характеризует поверхностные слои ритуала (его плана выражения)⁷.

О прочных позициях японской фольклористики в изучении синто свидетельствует, на наш взгляд, то, что от неё в международную синтологию пришло в качестве общепризнанного следующее положение: вся народная календарная культура японцев была сформирована на основе ранних синтоистских

культов, ими, по утверждению японских, в первую очередь, Янагида Кунио и др. (и российских – А. Р. Садовой) учёных обусловлен, в частности, мифоритуальный сакральный аспект японского песенного фольклора⁸. По этой причине в описаниях синтоистской обрядности японские специалисты – вслед за Янагидой Кунио – основываются, как правило, на признании фольклорной основы её музыкального воплощения.

Таким образом, можно констатировать, что на родине *синто* методология рассмотрения его музыкальных феноменов до настоящего времени до конца не отработана. Вместе с тем, значительным продвижением в сфере исследования, классификации и типологизации музыкальных явлений синтоистского ритуала стали труды западных музыковедов-синтологов Роберта Гарфиаса⁹, Теренса Ланкашира¹⁰, Яноша Карпати¹¹ и Дэвида Хьюза¹², из которых три последних появились недавно. Как представляется, авторам в целом удалось разработать ряд перспективных подходов к исследованию синтоистской обрядности, позволивших, в частности, выявить в ней некоторые качества синто-буддийского синкретизма.

В публикациях российских учёных *синто* получило довольно широкое освещение в качестве традиционной религии японцев. Поскольку в русле «синтоистской субкультуры» сохранилось достаточно много изоморфных особенностей протояпонской и собственно японской культуры, отечественные востоковеды на данном материале изучали механизмы трансляции японской культуры в плане «стихийного процесса и сознательного формирования традиции»¹³. При этом совсем нечасто в имеющейся отечественной литературе содержатся попытки жанровой классификации и систематизации ритуально-обрядового комплекса синто, а имеющиеся разработки не отвечают требованиям системности. А ведь именно определение параметров звуковременного бытия синтоистского ритуала имеет особое значение для становления *музыкальной синтологии*. Однако основной методологической проблемой остаётся, безусловно, сложность и неоднозначность самого явления *синто* или *синтоизма*, – исторически изменявшегося, многокомпонентного, неоднородного (Л. М. Ермакова).

Несмотря на то, что *синто* к настоящему времени посвящён внушительный массив работ отечественных учёных, затрагивающих отдельные феномены и стороны этой религии, как общие, так и частные её проблемы, вопросы воздействия синтоизма на художественное творчество японцев актуализировались в отечественной научной литературе только в последнее десятилетие. Здесь безусловны достижения Н. Г. Анариной¹⁴, С. Г. Бишаровой¹⁵, Т. П. Григорьевой¹⁶, Е. М. Ермаковой¹⁷, А. Н. Мещерякова¹⁸, Э. В. Молодяковой¹⁹, Е. Б. Морозовой²⁰, Е. А. Сосновской²¹ и др. При этом обозначенные

труды имеют явную философско-эстетическую, культурологическую и театроведческую направленность и закономерно не поднимают проблемы собственно музыкально-языковых влияний синтоистского ритуала на музыкальное наследие Японии.

В российско-советском музыковедении феномены синтоистского ритуала, в частности, явление *кагура* впервые были затронуты в кандидатской диссертации автора настоящей статьи (1985)²². Кагура рассматривалась в контексте музыкально-исторического процесса Японии в качестве одного из важных истоков национальных традиционных музыкальных театров Но и Кабуки. В ходе характеристики явления отмечалось, что кагура сохранили массовость исполнительского состава (хоры, танцы), сюжетную сторону солнечного мифа, инструментальное сопровождение с огромной функцией ударных. Позднее автором в трёх статьях (2003, 2004, 2012)²³ была сделана попытка музыковедческого описания природы, функций, характеристики музыкально-визуального воплощения современного *сато-кагура* (на примере «Цунояма кагура»), впервые отмечалось определённое воздействие *кагура* на композиторское творчество японцев на материале сочинений К. Ямады и К. Такэнаки, высвечена проблематика исследования музыкальной обрядности синто в контексте музыкального творчества японцев.

М. В. Есипова в кандидатской диссертации (1988), посвящённой выявлению сущностных черт японской традиционной музыки²⁴, рассматривала влияния буддизма, конфуцианства и даосизма на традиционную систему музыкального мышления японцев, что позволило сделать ряд весьма важных для понимания специфики этой традиции выводов. В опубликованных в 2000-е гг. статьях автор рассматривала вопрос конфессиональной сегрегации древних музыкальных инструментов Японии, в первую очередь, на примере традиционного инструментария буддийского ритуала²⁵, а также прослеживала дзэнские влияния в музыкальной драме Но²⁶. В 2006 г. в статье М. В. Есиповой, написанной в соавторстве с Е. А. Сердюк, органиологическое направление было продолжено посредством попытки систематизации убранства, атрибутов богослужения и музыкальных инструментов в буддийских храмах Японии²⁷. В этой большой и содержательной работе авторы сосредоточивают внимание исключительно на буддийском инструментарии и, соответственно, его использовании в традиционном театре японцев (в данной публикации упоминаются лишь два фоноинструмента синтоистских обрядов – *сякубёси* и *хорагай*). В статье известного московского популяризатора традиционной японской музыки М. И. Каратыгиной справедливо акцентируется буддийский этос музыки и исполнительства на *сякухати*²⁸.

Научная проблематика собственно музыкальной синтологии получила дальнейшее развитие в

середине 2000-х гг. сначала в ранее упоминавшейся дипломной работе С. В. Жуковской (выполнена в Новосибирской консерватории под руководством автора настоящей статьи), посвящённой музыкально-историческому и теоретическому рассмотрению феномена *кагура*, затем в научных исследованиях и публикациях этого автора²⁹. Но и эти работы оставляли немало лакун в изучении сакрального музыкального наследия японцев. Это дало основание утверждать в 2007 г., что российским этномузыковедением данный предмет исследован недостаточно полно, ибо за пределами научного осмысления остались подробности «музыкального оформления синтоистского культа (храмовые песнопения *норито*, музыка народных фестивалей *мацури*), как, впрочем, и богатейший срез японского песенного фольклора (*миньё*), во многом связанный с синтоистской обрядностью и мифологией»³⁰.

Определённый задел в сфере исследований влияний музыкальной составляющей синтоистской обрядности сделан также в кандидатской диссертации Е. В. Южаковой³¹ (выполнена под руководством автора статьи). Рассматривая в качестве важнейших источников театра Но сценические формы *эннэн но*, *дэнгаку но* и *сюгэн но*, Е. В. Южакова показывает степень воздействия на ногаку музыкально-драматургических структур – *мондо*, *митиюки* и др. жанров – действия *эннэн но* (букв. – «моления о долголетию» или «плясок долголетия»); яркого исполнительского дарования актеров *дэнгаку* (букв. – «полевые представления»); мистериального духа, сюжетной канвы и танцев (ритуальных, молитвенных, воинских и комических) мистерий горных отшельников *ямабуси* – *сюгэн но*. Это в определённой степени расширило представления отечественной музыкальной синтологии о воздействии ритуальной традиции синто на традиционное искусство *ногаку*.

В другом японоведческом диссертационном исследовании, также выполненном в Новосибирской консерватории Н. И. Чабовской (научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор С. П. Галицкая), автор, специально не занимаясь разработкой интересующей нас проблематики, справедливо указывает на воздействие канонических элементов архитектуры синтоистских храмов на музыкально-композиционное строение эталонных композиций сольной музыки для кото жанра *данмоно*³², что, безусловно, заслуживает самого пристального внимания отечественной музыкальной синтологии.

Автор культурологической диссертации «Профессиональная музыкальная культура стран Дальнего Востока в контексте межкультурных взаимодействий» И. А. Чжен (2006)³³ стремится охарактеризовать влияние мировоззренческих (конфуцианство, даосизм, дзен-буддизм, синтоизм) и социокультурных (культ предков, иероглифическое письмо, тип государственности, характер обще-

ственных отношений) детерминант на формирование музыкально-культурной традиции региона. Однако, не оспаривая вполне справедливой по отношению к дальневосточной метакультурной зоне в целом позиции И. А. Чжен о влиянии первых трёх перечисленных факторов на культуру дальневосточного региона, следует заметить, что здесь факт влияния синтоизма на музыкально-художественное творчество японцев все же приносится в жертву обобщениям.

Выполненные в Новосибирской консерватории в первое десятилетие XXI в. докторская диссертация и монография автора настоящей статьи³⁴, кандидатские диссертации О. В. Жуковой³⁵, Е. А. Снежковой³⁶, монография московского музыковеда А. С. Алпатовой³⁷ содержат первые попытки найти синтоистские основания не только в традиционном музыкальном наследии японцев, но также в музыке композиторов первой половины прошлого столетия – Ямады Косаку, Таки Рэнтаро и послевоенного времени – Дана Икума, Такэмицу Тору, Такэнаки Кацуюки и др. Здесь, однако, гораздо более плодотворно, чем исконные (синтоистские) корни, учёными выявляется инонациональный и инокон-

фессиональный (христианский) генезис семантики и музыкального языка творческого наследия японских композиторов XX века. Подчеркнём, что данные труды рисуют вполне объективную картину, так как искания композиторов Японии мотивировались заимствованной системой композиторского творчества европейской модели.

Подводя итог анализу сложившейся достаточно парадоксальной ситуации, следует отметить, что в российском японистическом музыковедении – при немногочисленности исследований и публикаций – значительно успешнее решаются вопросы выявления путей и методов воздействия буддизма, конфуцианства и даосизма на музыкально-художественную / театральную культуру Японии, чем поиски истоков традиционной музыки в наследии синтоизма – исконной религии японцев. Не менее заманчива исследовательская задача выяснения синтоистских оснований японского композиторского творчества.

Итак, несмотря на немалые трудности и проблемы, стоящие на пути развития отечественной музыкальной синтологии, перспективность развития этой молодой науки не вызывает сомнения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Янагида Кунио (1875–1962) оставил обширное научное наследие, посвящённое изучению «народного синто» в его верованиях и ритуалах.

² Назовём имена только крупнейших японских фольклористов, писавших в XX–XXI вв. о «музыке синто» (кагура и мацури): Амино Ёсихико, Ивата Масару, Исицука Такагоси, Мираяма Суити, Мисуми Харуо, Нисицуно Масаёси, Окамото Окио, Омори Такаси, Сираиси Акиоми, Сува Харуо, Уэдо Масааки, Усио Митио, Хонда Ясудзи, Ямамото Хироко и др.

³ Здесь используется условное определение, предложенное в работах С. В. Жуковской.

⁴ В качестве примера приведём фундаментальное исследование Тамбы Акира «Японский театр Но», педалирующее воздействие дзэн-буддизма на формирование музыкальной стороны ногаку: Tamba Akira. La structure musicale du Nô. – Éditions Klincksieck: Paris, 1974.

⁵ Кагура-ута (букв. – «песни кагура») – священные песни, издавна исполнявшиеся в Японии в синтоистской мистере кагура.

⁶ Жуковская С. В. Кагура как музыкальное действие синто: дипломная работа / науч. рук. М. Ю. Дубровская; Новосибир. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2005; Она же. Синтоистский ритуал в музыкальной культуре современной Японии // Культурно-антропологические исследования: научный журнал / НГПУ. – Новосибирск, 2011. – Вып. 1. – С. 149–156.

⁷ Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – С. 10–11.

⁸ Садокова А. Р. Японская календарная поэзия / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М.: Наследие, 1993. – С. 6, 27, 61, 263.

⁹ Garfias R. The Sacred Mi-kagura of the Japanese Imperial Court // Selected Reports in Ethnomusicology. – 1968. – I/2. – P. 149–178.

¹⁰ Lankashire T. A Discussion of Nagasawa Sohei's Hayachine take kagura: Mai no shocho to shakaiteki jissen // Osaka Ohtani University Asian Ethnology. – Volume 69, Number 1. – 2010. – P. 159–169.

¹¹ Kárpáti János. Typology of Musical Structures in the Japanese Shintô Ritual Kagura // Asian Music. – Volume 39, Number 2, Summer/Fall. – 2008. – P. 152–166.

¹² David W. Hughes. Folk music: from local to national to global // ARC to Japanese Music. – 28/10. – 2007.

¹³ Глускина А. Е. Предисловие // Синто – путь японских богов. В 2 т. Т. 1: Очерки по истории синто / отв. ред. Е. М. Ермакова и др. – СПб., 2002. – С. 3.

¹⁴ Анарина Н. Г. История японского театра. Древность и средневековье: сквозь века в XXI столетие. – М.: Наталис, 2008.

¹⁵ Бишарова С. Г. Синтоистские основы традиционной японской культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Новосибирск, 2006.

¹⁶ Григорьева Т. П. Синтоистская основа японской культуры // Синто – путь японских богов... Т. 1. С. 509–543.

¹⁷ Ермакова Е. М. Синтоистский образ мира и вопросы поэтики классической японской литературы // Восточная поэтика. Специфика художественного образа: сб. ст. – М., 1983. – С. 157–184.

¹⁸ Мещеряков А. Н. Синто и буддизм // Синто. Путь японских богов... Т. 1. С. 136–147.

¹⁹ Молодякова Э. В. Синтоистские праздники // Синто – путь японских богов... Т. 1. С. 467–508; Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Мацури: традиционные праздники Японии. – М., 2004.

- ²⁰ Морозова Е. Б. Сценическое пространство театра Но как пример ритуального мировосприятия японцев // Япония 2003–2004. Ежегодник. – М., 2004. – С. 190–208.
- ²¹ Сосновская Е. А. Этос японского общества: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Новосибирск, 2006.
- ²² Дубровская М. Ю. Музыка в традиционном театре Японии (на материале Но и Кабуки): дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1985.
- ²³ Дубровская М. Ю. Кагура и современная музыкальная жизнь японцев: к вопросу об этномузыковедческом исследовании феноменов синтоистского ритуала // Синто и японская культура: труды VIII международного симпозиума международного научного общества исследователей синто. – М., 2003. – С. 113–139; Она же. Феномен синтоистского ритуала кагура: к вопросу его отражения в творчестве композиторов Японии // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика: матер. междунар. конференции / Новосибир. гос. консерватория им. М. И. Глинки, Римский университет «Тор Вергата». – Новосибирск, 2004. – С. 400–409; Она же. Вопросы исследования музыкальной обрядности синто в аспекте её воздействия на музыкальное творчество японцев // Актуальные проблемы изучения Японии и японского языка: матер. Четвёртого Сибирского симпозиума (16–18 марта 2012 г.). – Новосибирск, 2012. – С. 41–48.
- ²⁴ Есипова М. В. Сущностные черты японской традиционной музыки: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Ташкент, 1988.
- ²⁵ Есипова М. В. Конфессиональные истоки древнеяпонского музыкального инструментария: докл. на междунар. конф. «Японский феномен. Взгляд из Европы» (Москва, сентябрь 2001 г.) // Окно в Японию: E-mail бюллетень Общества «Россия – Япония». – № 40. – 2001.09.16. – URL: <http://ru-jp.org>, ru-jp@nm.ru.
- ²⁶ Есипова М. В. Дзен-буддизм и музыкальная драма Но // Музыкальная академия. – 2002. – № 2. – С. 121.
- ²⁷ Сердюк Е. А., Есипова М. В. Убранство, атрибуты богослужения и музыкальные инструменты в буддийских храмах Японии (опыт систематизации) // Вестник МГУ. 8. История. – 2006. – № 5. – С. 55–72.
- ²⁸ Каратыгина М. И. Традиционная японская музыка: сякухати // Окно в Японию: E-mail бюллетень Общества «Россия – Япония». – № 36. – 2004.09.12. – URL: <http://ru-jp.org>, ru-jp@nm.ru.
- ²⁹ Жуковская С. В. Сакральное и профанное в синтоистской мистерии кагура // Возвышенное и земное в музыкальном искусстве / Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2005.
- ³⁰ Дубровская М. Ю. Музыкальная культура Японии: учеб. пособие / Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2007. – С. 20.
- ³¹ Южакова Е. В. Музыкально-художественная система традиционного японского театра Но: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2002. – С. 10–11.
- ³² Чабовская Н. И. Данмоно: вопросы истории и теории: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2003; Она же. О фундаментальных свойствах традиционной музыкальной культуры // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. – Томск, 2004. – С. 112–119.
- ³³ Чжен И. А. Профессиональная музыкальная культура стран Дальнего Востока в контексте межкультурных взаимодействий: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Чита, 2006.
- ³⁴ Дубровская М. Ю. Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX – первая половина XX вв.). – Новосибирск: Наука, 2004; Она же. Формирование японской композиторской школы и творческая деятельность Ямады Косаку: дис. ... д-ра искусствоведения. – Новосибирск, 2005.
- ³⁵ Жукова О. В. Камерно-вокальное творчество Дан Икума (в контексте проблемы «композитор – фольклор»): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2005.
- ³⁶ Снежкова Е. А. Творчество Такэмицу Тору в контексте национальной музыкальной культуры Японии (на примере инструментальных сочинений): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2007.
- ³⁷ Алпатова А. С. Архаика в мировой музыкальной культуре / отв. ред. Н. В. Кузнецова. – М.: Экон-Информ, 2009.

Дубровская Марина Юозефовна

доктор искусствоведения,
профессор кафедры этномузыковедения
Новосибирской государственной
консерватории им. М. И. Глинки

